

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75

А.Н. РомановаКостромской государственный университет,
156055 г. Кострома, Российская Федерация

Собеседница поэтов Анна Готовцева.

К истории литературных отношений пушкинской эпохи

Аннотация. В статье рассматривается история публикации некоторых произведений малоизвестной поэтессы первой трети XIX века Анны Готовцевой, в том числе ее стихотворения, обращенного к А.С. Пушкину, и адресованных Готовцевой стихотворений А.С. Пушкина и П.А. Вяземского; раскрываются некоторые особенности историко-литературного процесса, оказавшие влияние на поэтический диалог писателей, опубликованный в альманахе «Северные цветы» и ознаменовавший появление женской профессиональной поэзии в литературе первой трети XIX века. Анализируются стихотворения А.И. Готовцевой в контексте современной ей русской поэзии, выявляется художественное своеобразие ее произведений в сопоставлении с лирикой поэтов элегического романтизма. Впервые учитывается влияние таких французских писателей, как Альфонс де Ламартин и мадам Жанлис на формирование литературных мнений и приоритетов провинциальной поэтессы, предопределившее внутреннюю противоречивость стихотворного диалога между Пушкиным и его поклонницей Анной Готовцевой. Выдвигается и обосновывается гипотеза о косвенном влиянии «Записок» Жанлис на развитие полемики о женщинах-сочинительницах, отраженной как в публицистических высказываниях, так и в художественных произведениях Пушкина и его современников-литераторов.

Ключевые слова: литература первой трети XIX века, пушкинский круг писателей, лирика А.И. Готовцевой

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Романова А.Н. Собеседница поэтов Анна Готовцева. К истории литературных отношений пушкинской эпохи // Литература в школе. 2020. № 2. С. 62–75. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75

A.N. RomanovaKostroma State University,
Kostroma, 156055, Russian Federation

Anna Gotovtseva, the interlocutor of poets.

On the history of literary relations of the Pushkin period of Russian literature

Abstract. The article examines the history of the publication of some works by the little-known poetess of the first third of the 19th century Anna Gotovtseva, including her poem addressed to A.S. Pushkin, and poems by A.S. Pushkin and P.A. Vyazemsky, appealed to Gotovtseva. The author reveals some features of the historical and literary process, which influenced the poetic dialogue of writers, published in the "Northern Flowers" almanac, which marked the emergence of female professional poetry in the literature of the first third of the 19th century. A.I. Gotovtseva's poems are analyzed in the context of the contemporary Russian poetry of that time, and the artistic originality of her works is revealed in comparison with the lyrics of poets of the elegiac romanticism. The author considers the influence of French writers such as Alphonse de Lamartin and Madame Janlis on the development of literary opinions and priorities of the provincial poetess, which predetermined the internal contradiction of the poetic dialogue between Pushkin and his admirer Anna Gotovtseva. The hypothesis about the indirect influence of "Note" by Janlis on the development of the controversy about women writers reflected both in the journalistic statements and in the artistic works by Pushkin and his contemporaries – men of letters – is tested in the article.

Keywords: literature of the first third of the 19th century, Pushkin's circle of writers, lyrics by A.I. Gotovtseva

CITATION: Romanova A.N. Anna Gotovtseva, the interlocutor of poets. On the history of literary relations of the Pushkin period of Russian literature. *Literature at School*. 2020. No. 2. Pp. 62–75. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75

Первая половина XIX века – золотое время русской литературы, бодрый, свежий воздух которого и сейчас нас бодрит и освежает. Примета эпохи – легкость, с которой почти

любой человек мог из рядов партера переместиться на сцену литературной жизни, превратиться в писателя, приобщиться к литературе. В поэзии тех лет Музы часто представляли

не величавыми богинями, а резвыми и легкомысленными девицами, за которыми вольно «волочиться» всякому. «Грешить» с ними можно было безнаказанно, а случайные плоды таких шалостей – более или менее благообразные – находили доброжелательный привет у друзей и знакомых, не претендуя на место в вечности. Об этом в письме к И.И. Дмитриеву говорит Василий Львович Пушкин:

...Живу я с дружбой и с Темирой;
Для них единственно желаю я писать.
Коль милая моя, читая, улыбнется,
Коль нежный друг души
похвалит песнь мою,
Когда я пламень мой
и дружбу воспою,
То сердце с радости забудется,
То я доволен и блажен:
Коль мил Темире я,
то щедро награжден.
[13, с. 107]

Подобная позиция становится общим местом в литературном обиходе. Поэзия сбросила котурны и спустилась в обычную жизнь, не дорожа собой, не чуждаясь мелочной и суетной повседневности. Любое частное событие, запечатленное в гармоничных и остроумных стихах, становилось фактом литературной жизни. Строки, вписанные в альбом, поэтические экспромты, фрагменты из писем к друзьям, эпиграммы, стихи на случай сразу делались достоянием многих, расходились в устном исполнении, переписывались, иногда публиковались в журналах и составляли значительную часть словесности. Званием автора, парнасского завсегдатая щеголяли вельможи и мелкие чиновники, провинциальные помещики и светские дамы. Можно сказать, что двери в мир художественного слова тогда были широко открыты

всякому охочему. И сегодня мы с легкой завистью вглядываемся в эпоху, когда в литературу можно было зайти «погостить».

Такой гостьей в мире литературы была костромская помещица Анна Готовцева (в замужестве Корнилова) – адресат стихотворных посланий П.А. Вяземского, Н.М. Языкова и А.С. Пушкина¹.

Готовцева очень любила образ промелькнувшего метеора, падающей звезды или кометы. Она и сама – одна из многих одаренных и умных женщин своей эпохи – оставила в истории нашей словесности мгновенный легкий проблеск. Ее творческий путь лишь раз явно пересекся с пушкинской орбитой, но много раз сближался с ней, пролегал в тех же пространствах русского поэтического космоса.

Анна Готовцева родилась в селе Панфилово Буйского уезда Костромской губернии. Как и старшие сестры Александра и Мария, она получила хорошее образование. Хотя увлечение литературой, музыкой, театром в этом семействе было общим, на воспитание Анны особенно сильно повлияло общение с Ю.Н. Бартевым, приглашенным к ней в качестве наставника. «Приехав в 1819 году в Кострому, и заняв место директора Костромской гимназии, отставной штабс-капитан Ю.Н. Бартев своим темпераментом и оригинальностью сразу обратил на себя внимание

¹ Об А.И. Готовцевой, кроме изданий, включенных в список литературы к данной статье, см.: Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. Г–К. М., 1992; Бочков В. Костромские спутники Пушкина. Кострома, 2000; Чугунов Е.А., Чугунова О.Д. Литературные чтения памяти А.И. Готовцевой // Вестник КГУ. 2005. № 2. С. 92–94; Лобкова Н.А. Яркая вспышка дарования: Наша землячка // Красное Приволжье. 2004. 10 июля.

костромского светского общества, в том числе и семейства Готовцевых» [16, с. 212]. Он внимательно относился к вопросам духовной жизни и прививал вкус к серьезным размышлениям своей ученице.

Девушке было всего восемнадцать лет, когда в журнале «Сын Отечества» появилось ее стихотворение «Одиночество» – перевод элегии Альфонса де Ламартина. Литературоведы обычно вскользь упоминают об этой публикации как об ученическом опыте. Между тем стихотворение Готовцевой заслуживает внимания: выбор произведения для перевода свидетельствует о тонком вкусе и об интересе к современной литературе. Тогда для широкой публики Ламартин был олицетворением романтических исканий во французской поэзии. Достаточно сказать, что четыремя годами ранее Готовцевой то же стихотворение Ламартина перевел Ф.И. Тютчев. Два варианта его перевода появились в 1822 году в газете «Русский инвалид» и в «Трудах Общества любителей российской словесности»². Пейзажные описания в стихотворении «Одиночество» сочетаются с религиозными размышлениями, интимное переживание претендует на масштаб философского высказывания.

В переводе Готовцевой, хотя и несовершенном, чувствуется уже свобода и уверенность. Отдельные фрагменты привлекают ясностью и простотой выражения. А 20-я строка, афористичная и образная: «Le soleil des vivants n'échauffe plus les morts» («Солнце живых больше не согревает мертвых») удалась юной поэтессе,

² См.: Русский инвалид. 1822. № 68. С. 271–272 (с подзаголовком «Из Ламартина», с подписью «Н. Тчв»); Труды Общества любителей российской словесности. 1822. Ч. II. С. 231–235.

пожалуй, лучше, чем другим переводчикам:

Прелестных сих картин я зритель
равнодушный;
Душа моя чужда всех радостей земных;
Рассматриваю мир, как призрак
мрачный, скучный,
Я мертв, – а солнца луч животворит
живых³.

Заметно, что Готовцева в своем переводе как бы «выпрямляет» и упрощает витиеватость оригинала. Стихи становятся чуть-чуть детскими, но, пожалуй, более искренними и теплыми. Очевидно, юная костромичка разделяла общее увлечение русских читателей французским поэтом.

Первые публикации Ламартина приветствовал и Пушкин, но постепенно его оценка становится сдержанной, а затем и отрицательной. Он противопоставляет сочинения Ламартина «истинному романтизму», попытку продолжить историю Чайльд-Гарольда считает заведомой чепухой. «И чем больше растет популярность Ламартина, тем менее ценит его Пушкин, – замечает Б.В. Томашевский. – Он вкладывает достаточно презрения к этому поэту, когда заставляет говорить о нем легкомысленного графа Нулина: «Какой писатель нынче в моде? Всё d'Arlincourt и Ламартин» [17, с. 1–76].

Заметил ли Пушкин первую публикацию Готовцевой? Как знать... Возможно, ее перевод был одним из фактов, вызвавших приведенную выше цитату о моде на Ламартина. Но это только предположение. Пушкин мог и не обратить внимания на ученический опыт незнакомой ему

³ Готовцева А.И. Одиночество (перевод из Ламартина) // Сын Отечества. 1826. № V. Ч. 106. С. 107–109.

переводчицы. Тем более что робкую дебютантку в «Сыне Отечества», скорее всего, затмила собой другая дама. В этом же номере журнала был напечатан фрагмент «Записок о XVIII веке и о французской революции» мадам Жанлис, известной французской романистки, автора нравоучительных романов, особенно популярных у женской аудитории. П.А. Вяземский посвятил этим «Запискам» развернутый отзыв. Пушкин также ими живо интересовался, просил брата прислать ему в Михайловское книгу, изданную в Париже в 1825 году. В оценке «Записок» Вяземский и Пушкин едины. Признавая хороший стиль писательницы, Вяземский отмечает многословие (едва ли не пустословие) автора, ее самомнение и несправедливость в оценке современников. Не сказал о «Записках» доброго слова и Пушкин, назвавший Жанлис в черновиках статьи «О ничтожестве литературы русской» (декабрь 1833 — март 1834) среди «бездарных пигмеев», которые в XVIII веке овладевают русской словесностью [14].

Разумеется, Готовцева не могла знать об этой пушкинской оценке. Для нее, как для большинства читателей ее круга, имена корифеев французской литературы стояли высоко. Скорее всего, пролистывая журнал, в котором впервые было опубликовано ее собственное стихотворение, Готовцева перечитывала и фрагмент из «Записок» мадам Жанлис. Этот фрагмент назывался «О сочинительницах» и был как будто непосредственно ей, начинающей поэтессе, адресован.

Прежде всего, Жанлис настаивала на равенстве способностей мужчин и женщин и отвергала ложные толки о своем поле: «Способность чувство-

вать все возвышенное, все прекрасное и удивляться тому, равно как и способность любить, свойственны одинаково обоим полам: и так между ними нравственное равенство существует вполне... Трудно согласить толки о женщинах, потому что они противоречат друг другу, или совершенно бессмысленны: признают в женщинах чрезвычайную чувствительность, говорят даже, что она в них живет, чем в мужчинах, но с тем вместе отказывают им в силе духа (выделено мною. — А. Р.), а что же такое чувствительность без душевной силы, то есть чувствительность, которая была бы неспособна ко всякому пожертвованию и самоотвержению?» [8, с. 216–219]. Далее она рассуждала о том, что в литературных произведениях и вообще в языке женщин больше изящества: «...воспитание и благопристойность делают для них законом воздерживать, ограничивать почти все их чувства и смягчать выражения оных: отсюда-то и происходят эти легкие обороты в речах, эта привычная тонкость намека о том, чего не смеют изъяснить» [Там же, с. 220]. Прямое, откровенное выражение женщиной своих чувств Жанлис приравнивает к бесстыдству или видит в нем проявление души, склонной к злодейству.

Мнение о том, что женщина в литературе (как в поэзии, так и в прозе) не должна быть слишком откровенной, что ее стихия — намек, недосказанность, подтекст, приобрело в культурном обиходе той эпохи значительное распространение, надолго сделалось практически аксиомой. Например, Евдокия Ростопчина, воплотившая в своей лирике образ страстной и мятежной женской души, в то же время рассуждает о женской

поэзии в 1840 году совершенно в духе мадам Жанлис:

Но только я люблю,
 чтоб лучших снов своих
Певица робкая вполне не выдавала,
Чтоб имя призрака ее невольных грез,
Чтоб повесть милую любви и сладких слез
Она, стыдливая, таила и скрывала;
Чтоб только изредка и в проблесках она
Умела намекать о чувствах
 слишком нежных <...>
Чтоб внутренний порыв
 был скован выраженьем,
Чтобы приличие боролось с увлеченьем...
[15, с. 65–66]

Не принимая во внимание эту расхожую истину, трудно оценить в полной мере художественную смелость Пушкина, сочинившего от лица Татьяны Лариной «письмо, где сердце говорит, / Где все наруже, все на воле».

Но мадам Жанлис не ограничивается рассуждениями о женщинах-писательницах, она стремится увлечь их дальше – на поле литературной критики. «Женщины, по тонкой наблюдательности, к которой они способны, по приятности и легкости своего слога, могли бы (при должной образованности и учености) с большим успехом критиковать сочинения, основанные на вымысле» [8, с. 231]. Она предлагает дамам принимать участие даже в журнальной полемике, но только не увлекаясь гневом и не допуская малейшей личности. Жанлис отвергает господствующий иронический и насмешливый тон современных журналистов и поощряет писательниц давать достойные образцы критических суждений: «Автор, которого критикуют не оскорбляя, был бы принужден и отвечать без досады» [Там же, с. 235].

Думается, рассуждения г-жи Жанлис должны были ободрить начинаю-

щую поэтессу. А что касается искусства намекать и возможности «критиковать сочинения, основанные на вымысле», нужно было только найти повод, чтобы выступить и на этом поприще с присущей женщинам грацией и тонкостью. Повод не заставил себя ждать. Но до этого литературные пути Пушкина и Готовцевой вновь едва не пересеклись. В 1827 году стихотворения Готовцевой «Видение» и «К П***» [7, с. 162–163] были опубликованы в «Литературном музее» и «Московском телеграфе». Именно для своего журнала «Литературный музей» за 1827 год В.В. Измайлов, давний знакомый Пушкина и приятель его дядюшки, просил его стихов. Поэт обещал, но так ничего и не прислал. Как знать, не это ли освободившееся место заняли стихотворения Готовцевой? Согласно примечанию издателя, они были «сообщены Попечителем Московского университета, А.А. Писаревым, из Костромы, во время объезда учебного округа» [Там же, с. 380].

Готовцева предстает в этих стихах последовательницей Жуковского, Батюшкова и молодого Пушкина. В ее стихотворении «Видение» легко заметить и вариацию на тему «Моего гения» Батюшкова, и отзвуки пушкинского стихотворения «К Морфею», и переключки с «Привидением» Жуковского. Виденье, явившееся автору, сочетает в себе черты Музы, «при звуке арфы золотой» открывающей тайны иных миров, и образ милого, ушедшего из жизни человека. Близкие Анны Готовцевой, без сомнения, связали бы эти строки с воспоминанием поэтессы о ее старшей сестре, Александре, умершей в 1825 году. Но личный смысл стихотворения скрыт за привычными уже

для романтической поэзии оборотами: «небесная улыбка», «сладкое очарование», «сладостный привет», «разлуки вечной приговор».

Обратил ли внимание Пушкин на новую публикацию Готовцевой? Свидетельств об этом нет. Но пробежать глазами ее строки он мог, ведь в той же книжке журнала были напечатаны «Замечания о людях и обществе» его дядюшки, Василия Львовича. По утверждению Ю.Г. Оксмана, Пушкин использовал найденную в этом произведении форму «непринужденной беседы с читателем на самые разнообразные литературно-политические и интимно-бытовые темы» для создания собственных «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» [9, с. 472].

Это сочинение Пушкина было напечатано в «Северных цветах» в 1828 году. Оно, по предположениям исследователей, и дало повод Анне Готовцевой попробовать себя в литературной полемике. В пушкинских «Отрывках» содержалось несколько реплик, прямо или косвенно задевающих представительниц «слабого пола». Среди них было и развернутое суждение об отношении женщин к литературе: «Жалуются на равнодушные русские женщины к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного (выделено мною. – А.Р.). Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают

стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» [12, с. 16].

Пушкинская филиппика – случайно или намеренно – отсылает к мнению мадам Жанлис о дамах-сочинительницах. Полемическая острота этого текста раскрывается в сравнении с цитированными выше суждениями французской романистки. Если та настаивает на равенстве женщин-писательниц с мужчинами, то Пушкин утверждает, что дамы еще не сделали даже истинными читательницами. Если Жанлис укоряет мужчин в грубости выражений, то Пушкин пишет о грубости понятия – а это куда более тяжкий порок. Анне Готовцевой, должно быть, по-настоящему досадно было читать эти строки. Знаменитый поэт вновь не заметил ее произведений. Или не оценил. А ведь стихотворения, названные выше, не назовешь «примитивными». В «Видении» используются достаточно редкий тип строфы – шестистишие, разностопный ямба, попарно и перекрестно рифмующиеся строки, с варьированием мужских и женских рифм. И стихотворение «К П***», напоминающее по форме рондо, свидетельствует о версификационном мастерстве и изобретательности автора.

Собственная ли обида или совет мадам Жанлис подтолкнули Анну Готовцеву к следующему отважному шагу, но она действовала в точном соответствии с рекомендациями французской наставницы, вступив на поле литературной брани во всеоружии своего обаяния и деликатности. Стихотворное послание Пушкину,

которое создала молодая провинциалка, было наполнено комплиментами и лишь в конце содержало недосказанный упрек. Юная поклонница перечисляла свои любимые творения Пушкина, а потом слегка журила его... за что-то – не выразив свои претензии прямо, а только намекая на какую-то нанесенную обиду:

Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!

....

Несправедлив твой приговор, –
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем –
Молчанье выразит укор⁴.

Это был, безусловно, вызов! Стихи Готовцевой не похожи на размышление про себя, они рассчитаны на прочтение адресатом. И потому являются довольно смелым жестом: упрек, брошенный публично известному человеку, – это дерзость, скрытая под вежливо-уклончивыми формулировками и похвалами. Почему Готовцева решается на это? Возможно, она чувствует себя уверенно, так как сама уже не дебютантка. Прежние публикации дают некоторое основание говорить с Пушкиным как с братом по перу. Но главное, Готовцева выступает от лица всех читательниц: «Мы гению простить умеем». Она – по примеру Жанлис – защищает не себя лично, а весь свой пол и в этом черпает уверенность. (Пушкин, как будто предвидя подобную атаку, писал в тех же «Отрывках...»: «Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола – все жен-

щины восстанут на вас единодушно – они составляют один народ, одну секту» [12, с. 274]. Правда, этот фрагмент в публикацию не вошел... Иначе, возможно, Готовцева и не решилась бы бросить поэту свою надушенную перчатку.)

Смелости молодой поэтессе придавал, вероятно, и ее женский успех, признанное всеми обаяние и слава красавицы и умницы, сопровождавшая ее в родном городе и в Москве, где она нередко появлялась. В ту пору, когда разворачивалась эта история, то есть в 1828–1829 годах, Анне Готовцевой было около двадцати лет. Красивая и умная девушка привлекла к себе внимание не одного поэта. Н.М. Языков, познакомившись с Готовцевой в Москве, посвятил ей стихотворение «Влюблен я, дева-красота». Князь Вяземский, встретив ее в 1828 году, был очарован. Именно Вяземский передал Пушкину поэтическое послание провинциальной поклонницы и присоединил к нему просьбу ответить на стихи Готовцевой. Правда, в письме Вяземского, написанном в шутовском тоне, и слегка фривольном, подчеркнуто в большей мере человеческое обаяние, чем литературный талант юной провинциалки. «Вот тебе послание от одной костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здесь грешно похабничать: эта Готовцева точно милая девица телом и душой. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи в Северных Цветах: надобно побаловать женский пол, тем более, что и он нас балует, а еще тем более, что весело избаловать молодую девицу. Вот и мои к ней стихи:

⁴ Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С.180–181 (в этом же номере опубликовано стихотворение Готовцевой «К Ю.Н. Барте-неву»).

мы так и напечатали бы эту Сузану между двумя старыми прелюбодеяями» [11, с. 27].

Пушкин спустя несколько месяцев выполнил просьбу своего друга. Его «Ответ А.И. Готовцевой» вместе с ее посланием и посвященными ей стихами Вяземского был опубликован в альманахе «Северные цветы на 1829 год»⁵.

Молодая поэтесса могла быть довольна: два известнейших поэта не только прославили ее красоту и талант, но и вступили с нею в литературный диалог, ответили, как равной. Один в стихах восхищался ее талантом, другой комплиментом парировал упрек:

О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волнением
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опровержением
Его печальной клеветы.

По мнению Ю.В. Лебедева, «публикация этих стихов была явлением историческим. Читатели тут как бы присутствовали при самом факте рождения женщины-поэта» [6]. Вероятно, такое утверждение может показаться несколько преувеличенным. Н.В. Банников в предисловии к сборнику «Русские поэтессы XIX века» перечисляет немало имен женщин, прикоснувшихся в ту пору к литературному творчеству: А.П. Бунина и А.А. Волкова «первыми в России издают книги своих стихотворений и вступают в существовавшие тогда литературные объединения... Поми-

мо салонов княгини З. Волконской, графини Е. Ростопчиной, поэтессы Каролины Павловой в 20–30-х годах славились салоны переводчицы А.П. Елагиной, поэтессы Е.А. Тимашевой, а также салоны С.Д. Пономаревой, А.О. Смирновой, Е.А. Карамзиной» [1, с. 7–8]. Однако выступления Буниной и Волковой относятся к первым годам XIX столетия и большей частью современников были восприняты иронично. Дам-писательниц безжалостно высмеял Батюшков в своей поэме «Видение на берегах Леты» [2, с. 94–102]. Первое стихотворение Е.П. Ростопчиной появится в тех же «Северных цветах» лишь в 1831 году (посредником снова выступит Вяземский). В этом же альманахе будет напечатана и подборка стихотворений Е. Тимашевой вместе с обращением к ней мадригалом Пушкина, но произойдет это в 1832 году. И литературный дар К. Павловой еще только начинает расцветать, проявляясь пока в переводах сочинений русских писателей на немецкий язык (книга ее переводов «Северное сияние» выйдет в Лейпциге в 1833 году). Салонные и домашние литературные упражнения дам, как правило, оставались в альбомах. Готовцева же к 1929 году имела опыт нескольких журнальных публикаций, а в ярком поэтическом трио ей было отведено первое место: здесь были представлены два ее стихотворения и два стихотворения, для которых она стала поводом. Так что приоритет публичного явления женщины-поэта в пушкинском кругу действительно принадлежит Готовцевой. Ее стихотворная переписка с Бартевым, Вяземским и Пушкиным символически обозначила рождение женской поэзии золотого века.

⁵ Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 178–182.

Скрытым от юной поэтессы и от широкой публики остался житейский фон этого красивого литературного события. Этот фон раскрывают письма Вяземского к Пушкину и Пушкина к Вяземскому и Дельвигу. Из них мы узнаем, что призыв Вяземского к «литературному сводничеству» Пушкин воспринял с раздражением, что «холодные и гладенькие стишки» к Готовцевой дались ему с трудом, что он был резок и неприязненно настроен в отношении своей обвинительницы, хотя и сумел это скрыть. «Вот тебе ответ Готовцовой (черт ее побери), как ты находишь ces petits vers froids et coulants. Что-то написал ей мой Вяземский? А от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрямь упрекает – ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или [уж] в беспорядочном поведении? Господь ее знает...» (из письма А.А. Дельвигу, 26 ноября 1828 г.) [10, с. 35].

А.В. Гессен, рассказывая историю этой поэтической «перебранки», отмечает: «По существу своего “несправедливого приговора” Пушкин ничего Готовцевой не ответил» [4, с. 293]. Добавим: Пушкин не сказал ничего и о талантах своей корреспондентки, в отличие от щедрого на похвалу Вяземского, писавшего:

Но в вас, любимице наук,
С плодом цвет свежий неразлучен:
С улыбкой вашу созвучен
И стих ваш, сердца чистый звук⁶.

Раздражение Пушкина нельзя объяснить только внешними обстоятельствами, о которых он сообщает Вяземскому в письме из Петербурга. Поэта преследовали житейские неприятно-

сти, начинало разворачиваться дело о «Гавриилиаде», но в Малинниках, где Пушкин проводил осень 1828 года, его душевное состояние явно улучшилось. А раздраженное письмо относится именно к этому периоду. Был ли Пушкин смущен ярким выступлением женщины в роли профессионального литератора? Такое истолкование бросает на Пушкина тень, вряд ли им заслуженную. Он всегда бескорыстно радовался чужому дарованию, забывая о житейских невзгодах. Талантливые женщины не были здесь исключением. Так, известно восхищение Пушкина мадам де Сталь. Ее книга, в отличие от «Записок» Жанлис, вызывает у Пушкина горячий отклик: «Взгляд быстрый и пронизательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины» [12, с. 8]. Симпатии и антипатии Пушкина в литературе разделяются не по признаку пола, а по иным критериям. Восхищение м-м де Сталь и неприятие м-м Жанлис того же рода, что увлечение Байроном и насмешка над Ламартином.

Пушкин был снисходителен и к дарованиям посредственным. Так, в 1826 году, вернувшись из ссылки, он познакомился в Москве с Е. Тимашевой – хозяйкой светского салона и поэтессой. О ее опытах Пушкин тепло отозвался в стихотворении, посвященном ей. Однако С.А. Фомичев справедливо утверждает: «Преувеличивать поэтическое дарование Тимашевой не следует. И если Пушкин назвал ее стихи “преlestными созданиями”, то только потому, что они

⁶ Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 178–179.

звучали из уст прекрасной женщины, и в общем-то для Пушкина по-настоящему поэтичными были ее облик, ее живое очарование» [18, с. 152–157]. С Готовцевой Пушкин не был знаком лично, а живое очарование милой душой и телом костромитянки в пересказе Вяземского все же сильно поблекло. К тому же воспеть всех протеже «князя Вертопрахина» (так иногда Пушкин величал Вяземского в письмах) было бы делом невозможным. Например, в своем письме от 26 июля 1828 года из Пензы (за месяц до письма о Готовцевой) Вяземский рекомендовал своему другу «милую бабочку» Всеволожскую, для которой он также просил стихотворного комплимента (сам он стихи ей уже сочинил и пересылал их Пушкину): «Сделай милость, на эту тему напиши мне что-нибудь и на листочке формата письма моего: я обещал ей дать твоего письма в альбом, да пришли еще что-нибудь своего неизданного для того же альбома». Тогда Пушкин отшутился: «Стихов ей не шлю, ибо на такой дистанции не стреляют даже и турки» [11, с. 24–27]. Но следующее подобное требование друга Пушкин встретил уже с явной досадой. А главное, за несколько лет, отделивших встречу с Тимашевой от заочной встречи с Готовцевой, Пушкин изменился. Житейские невзгоды были знакомы ему и прежде. Но теперь в связи с делом о «Гавриилиаде» поэт вновь оказался под угрозой ареста и ссылки. Он уже пережил отказ в сватовстве к Олениной, неудачу с Софьей Пушкиной и вполне осознал, чем оборачивается для него прежняя скандальная слава.

Упрек Готовцевой, к чему бы он ни относился, был голосом большинства, зеркалом общего мнения.

И в этом качестве он, как можно предположить, был глубоко неприятен поэту, вызывал болезненные чувства. Кроме того, возвращение к салонной мадригальной болтовне теперь, после «Полтавы» и «Бориса Годунова», и в самом деле, видимо, тяжело давалось Пушкину. Вяземский был неистощим в литературно-амурных стихотворных упражнениях. Пушкин же слишком чувствует разницу между литературной забавой и литературным трудом. Чувствуют ее и другие поэты пушкинского круга. «Баратынский в 1826 году остерегал “поэтов прекрасного пола” против тщеты литературных стремлений:

Не трогайте парнасского пера,
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам немного в нем добра,
И им Амур другие дал игрушки.
Любовь ли вам оставить в забытии
Для жалких рифм? Над рифмами смеются,
Уносят их летейские струи –
На пальчиках чернила остаются».

[1, с. 8–9]

Стихотворение Баратынского – еще одно возражение г-же Жанлис, всерьез утверждавшей, что звание сочинительницы благоразумная женщина может сочетать с заботами домашнего хозяйства и светскими интересами. Жизнь доказала наивность ее рассуждений. Литература в России оказалась мало совместима с семейным благополучием, с легкой жизнью вообще. Особенно для женщин. Анне Готовцевой пришлось выбирать между нормальной женской судьбой и большой литературой. Она сделала выбор. «В 1829 году Анна Ивановна Готовцева выходит замуж за Павла Петровича Корнилова – сына героя Отечественной войны,

увековеченного в Военной галерее Зимнего дворца, Петра Яковлевича Корнилова... Двадцатипятилетний молодой человек, сам раненый, овеянный военной романтикой, разумеется, привлёк к себе всеобщее внимание, и, в первую очередь, местных светских барышень, из которых ни одна не могла соперничать с умной, красивой и талантливой Анной Готовцевой. Их завязавшийся в одном из костромских салонов роман «счастливого разрешения браком», – так описано это событие в книге костромского краеведа [16, с. 214]. Она не прекратила сочинять. Но плоды своих вдохновений оставляла теперь в основном в альбомах и личных письмах. В 1839 году несколько ее стихотворений появились в журнале «Галатей». Больше Готовцева своих сочинений не публиковала. Побывав в гостях у большой литературы, она вернулась к домашним заботам и поставила свой дар на службу семейному кругу, украшая своими стихами жизнь самых близких: мужа, родных, немногих друзей.

Князь Вяземский в 1830 году, обращаясь к Готовцевой в письме, советовал ей не искать в творчестве «маштабных» тем, отталкиваться от своих личных впечатлений, их перерабатывать в поэзию: «Пишите о том, что у вас в глазах, на уме и на сердце. Не пишите стихов на общие задачи. Это дело поэтов-ремесленников. Пускай написанное вами будет разрешением собственных, сокровенных задач. Тогда стихи ваши будут иметь жизнь, образ, теплоту, свежесть. В женских исповедях есть особенная прелесть. Свой взгляд, свое выражение придают печать оригинальности и новости предметам самым обыкновенным» [3, с. 139–140].

Готовцева следует совету Вяземского. И в конце 1830-х годов, и в 1850-м она приветствует стихами своих друзей, родных, наставников. Ее строфы часто адресованы конкретному человеку и связаны с тем или иным житейским эпизодом. Но это не значит, что сферу «собственных задач» поэтесса ограничивает только семейно-бытовой сферой. В ее небольшом наследии практически нет любовной лирики. Скорее, она склонна к философским размышлениям и мечтам. Ей нравится соединять земное и небесное, связывать конкретное впечатление о встрече или беседе с реальным человеком и возвышенные мечты, сны воображения, которые пробуждают такие встречи. Своему учителю П.Н. Бартевну она писала:

Ум твой пламенно, широко
Светом истины горит,
И таинственно глубоко
Мне о небе говорит.
Без печали, без смущенья
За тобой, оставя прах,
В область мира и спасенья
Уношусь в святых мечтах...

[5, с. 54]

Своей жизнью, служением своей семье Анна Готовцева доказала, что она не из категории «парнасских вострушек», что ее любовь к литературе нетщеславная и бескорыстная. Кроме собственных детей, Анна Ивановна Корнилова воспитывала с восьми лет и дочь старшей сестры – Юлию Жадовскую. Самобытный талант и любовь к поэзии проявятся у этой девочки ярче и масштабнее, чем у ее тетушки, позволив Жадовской уже не мгновенным метеором блеснуть, а яркой звездочкой засиять на русском поэтическом небосклоне.

Заочная встреча Готовцевой с Пушкиным, хоть и омрачена была взаимным недопониманием, все-таки состоялась и даром не прошла. Насмешливые строки, спровоцировавшие протест Готовцевой, уже вскоре сменились у Пушкина искренними словами о русских женщинах, о провинциальных барышнях – истинных ценительницах поэтического слова и правдивой прозы. Возможно, Анна Готовцева, как и почти вся русская

читающая публика, на время отстала от стремительного развития пушкинского таланта, не сразу осознала разницу между ничтожными пигмеями и гениями, как в родной, так и в иностранной словесности. Но поэт верил в свою публику, во многих своих произведениях то шутивно, то задумчиво обращаясь к «другу-читателю». Со временем Анна Готовцева и русская публика оправдали эту веру поэта.

Библиографический список

1. Банников Н.В. От составителя // Русские поэтессы XIX века. М., 1979.
2. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964.
3. Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Литературно-критические статьи. М., 1982.
4. Гессен А.В. «Все волновало нежный ум...». Пушкин среди книг и друзей. М., 1965.
5. Готовцева А.И. Стихотворения // «Прелестный дар, перо поэта...». Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. Кострома, 2005. С. 21–74.
6. Лебедев Ю.В. Анна Ивановна Готовцева // Лебедев Ю.В., Романова А.Н. Литература Костромского края. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века: учебное пособие. Кострома, 2018. С. 99–111.
7. Литературный музей на 1827 годъ, Владимира Измайлова. М., 1827. URL: <https://www.litfund.ru/auction/20/23/> (дата обращения: 10.10.2019).
8. О сочинительницах. (Из Записок г-жи Жанлис) // Сын Отечества. 1826. № V. Ч. 106. С. 213–239.
9. Оксман Ю.Г. Примечания к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям...» // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1962. С. 472–473.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 2. (кн. 1). М., 1994.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 14. Переписка 1828–1831 годов. М., 1996.
12. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1962.
13. Пушкин В.Л. Стихотворения. Поэмы. М., 2016.
14. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=301> (дата обращения: 10.10.2019).
15. Ростопчина Е.П. Как должны писать женщины // Русские поэтессы XIX века. М., 1979. С. 65–66.
16. Сапрыгина Е.В. Иконография А.И. Готовцевой // Сапрыгина Е.В. Слуги времени. Кострома, 2012. С. 210–222.
17. Томашевский Б.В. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. Т. 31–32. М., 1937. С. 1–76.
18. Фомичев С.А. Катерина Тимашева – поэтесса пушкинской плеяды // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 152–157.

References

1. Bannikov N.V. From the author. *Russkie poetessy XIX veka*. Moscow, 1979. (In Russ.)
2. Batyushkov K.N. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. Moscow; Leningrad, 1964. (In Russ.)
3. Vyazemskij P.A. *Sochineniya: V 2 t. T. 2. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Works in 2 vol. Vol. 2. Literary and critical articles]. Moscow, 1982. (In Russ.)

4. Gessen A.V. «Vse volnovalo nezhnij um...». Pushkin sredi knjig i družej [“Everything worried a gentle mind...”. Pushkin among books and friends]. Moscow, 1965. (In Russ.)
5. Gotovceva A.I. Poems. «Prelestnyj dar, pero poeta...» Stihi A. Gotovcevoj i Yu. Zhadovskoj. Kostroma, 2005. Pp. 21–74. (In Russ.)
6. Lebedev Yu.V. Anna Ivanovna Gotovceva. Lebedev Yu.V., Romanova A.N. *Literatura Kostromskogo kraja. Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka*. Studu guide for students. Kostroma, 2018. Pp. 99–111. (In Russ.)
7. Literaturnyj muzeum na 1827 god, Vladimira Izmajlova [Literary Museum for 1827 by Vladimir Izmailov]. Moscow, 1827. URL: <https://www.litfund.ru/auction/20/23/> (In Russ.)
8. O sochinitel'nicah. (Iz zapisok g-zhi Zhanlis). *Syn Otechestva*. 1826. No. V. Part 106. Pp. 213–239. (In Russ.)
9. Oksman Yu.G. Notes to “Excerpts from letters, thoughts and remarks...”. *Pushkin A.S. Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 6. Kritika i publicistika*. Moscow, 1962. Pp. 472–473. (In Russ.)
10. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t. T. 2. (kn. 1)* [Works in 17 vol. Vol. 2. Book 1]. Moscow, 1994. (In Russ.)
11. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t. T. 14. Perepiska 1828–1831 godov* [Works in 17 vol. Vol. 14. Correspondence of the 1828–1831s]. Moscow, 1996. (In Russ.)
12. Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 6. Kritika i publicistika* [Works in 10 vol. Vol. 6. Critique and publicism]. Moscow, 1962. (In Russ.)
13. Pushkin V.L. *Stihotvoreniya. Poemy* [Poesy. Poems]. Moscow, 2016. (In Russ.)
14. Pushkin i mirovaya literatura. Materialy k «Pushkinskoj enciklopedii» [Pushkin and world literature. Materials for the “Pushkin Encyclopedia”]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=301> (In Russ.)
15. Rostopchina E.P. How women should write. *Russkie poetessy XIX veka*. Moscow, 1979. Pp. 65–66. (In Russ.)
16. Saprygina E.V. Iconography by A.I. Gotovtseva. *Saprygina E.V. Slugi vremeni*. Kostroma, 2012. Pp. 210–222. (In Russ.)
17. Tomashevskij B.V. Pushkin and French literature. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 31–32. Moscow, 1937. Pp. 1–76. (In Russ.)
18. Fomichev S.A. Katerina Timasheva – poetess of the Pushkin pleiad. *Vremennik Pushkinskoj komissii*. Issue 23. Leningrad, 1989. Pp. 152–157. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.02.2020, принята к публикации 30.03.2020
The article was received on 20.02.2020, accepted for publication 30.03.2020

Сведения об авторе / About the author

Романова Алена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет

Alyona N. Romanova – PhD in Philology; Assistant Professor at the Russian Philology Department, Kostroma State University

E-mail: romanovaal@mail.ru